

К. А. Бабровіч

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ (И. СУРГУЧЕВ И А. ОСТРОВСКИЙ)

Белорусский государственный университет, г. Минск;

babr-kryscina@tut.by;

науч. рук. – С. Я. Гончарова-Грабовская, д-р филол. наук, проф.

Проблема традиции в творчестве И. Сургучева до сих пор почти не изучена. В свое время автора упрекали в «подражании», недооценивая драматургическое мастерство. Цель нашего исследования – раскрыть реалистическую традицию в пьесе «Торговый дом», проводя анализ по линии И. Сургучев – А. Островский, и доказать ее правомочность, опровергая обвинение И. Сургучева в «подражании», так как оно сводится лишь к формальным деталям, которые получили новую трактовку в рамках авторского замысла.

Ключевые слова: Илья Сургучев; Александр Островский; драматургия; традиция; «темное царство».

Несмотря на интерес исследователей к драматургии И. Сургучева (Д. Д. Николаев, Н. М. Малахова, А. А. Фокин и др.), остались вне поля зрения не только жанровая специфика его пьес, но и проблема традиции.

После публикации и постановки первой пьесы «Торговый дом» (1912 г.) к молодому драматургу пришел успех, но критики не были однозначны в своих оценках: одни прочили И. Сургучева в преемники А. Островского [2, с. 96], другие – упрекали в отсутствии драматургического опыта, неумении выстроить пьесу по законам драмы.

Что же объединяло А. Островского с И. Сургучевым? В первую очередь – тема «темного царства». Как и А. Островского, И. Сургучева интересовала среда купечества, его нравы, но уже в другом временном отрезке – в период распространения торговых домов, которые представляли собой одну из форм организации предпринимательской деятельности в Российской империи. Драматург показал, что скрыто за высокими заборами и железными замками торгового дома, принадлежащего роду Костяниных, где существует тирания, попрание личности, ее прав и стремлений, агрессия, разврат и обман.

Как и в пьесе А. Островского «Гроза», персонажей «Торгового дома» можно условно разделить на две группы: представители «темного царства» (старуха Костянина, ее старшие сыновья Петр и Василий, их дядя Федор

Костянин) и героев-бунтарей (дочь Петра Авдотья, жена Василия Ксения и младший сын Костяниной Дмитрий) [1, с. 36].

Во главе семьи стоит Марья Костянина, «не старуха, а министр иностранных дѣлъ» [3, с. 183], как величает ее старший сын. Она, подобно Кабанихе, организовала жизнь в доме по своим правилам, стараясь подчинить даже чувства своих близких. Будучи не самой примерной супругой в молодости, сейчас она всячески старается сохранять видимость приличной семьи, где чтут традиции и следуют установленным нормам. Принятой матерью морали придерживаются Петр и Василий. Однако и эти герои И. Сургучева стараются менять старые правила, если дело касается торговли, и пытаются убедить в этом мать и дядю. Разумеется, это вызывает негодование у старшего поколения.

Не хотят мириться с установленными порядками Душа, Ксения и Митя. В отличие от Варвары Кабановой, которая нарушает правила, но скрывает это за обманом, герои И. Сургучева бунтуют открыто. Например, про связь Мити и Елены Алексеевны, Души и Володьки в доме знают все. Катерина А. Островского попыталась тайно пойти против правил, но не смогла этого скрыть, и ее грех стал известен не только семье, но и общественности. У И. Сургучева за грех Души Костянины готовы заплатить немалые деньги, лишь бы скрыть это от посторонних и не посрамить честь торгового дома.

Как и в пьесах А. Островского, страсть нарушает незыблемый уклад жизни, поэтому старшие Костянины готовы на любые меры, чтобы сохранить установленный порядок и подчинить бунтующих членов семейства: Душу насильно выдают замуж, а Митю обманом принуждают сказать заговор от собственной любви. На отчаянные просьбы младшего сына, требующего выделить ему часть наследства и отпустить на волю, мать отвечает категорическим отказом. Она уверена, что сможет привлечь Дмитрия к общему делу, сделать из него настоящего купца, который тоже будет приумножать доходы их торгового дома. Срабатывает моральный императив «темного царства» – соблюдать внешние приличия, не позволяя распространяться слухам.

В центре внимания А. Островского находится нелегкая судьба женщины, оказавшейся под гнетом самодурства свекрови. И. Сургучев тоже выводит на сцену героиню, попавшую в схожие условия, – жену Василия Ксению. И у нее тоже появляется мысль расстаться с жизнью: «Ей-Богу, что-нибудь сдѣлаю съ собой. Силь нѣтъ. <...> Вѣдь въ воду же брошусь, въ колодезь, – разобью себѣ голову» [3, с. 228]. Однако И. Сургучев больше внимания

уделяет младшему сыну старухи Мите, раскрывая его положение в семействе. Здесь автором показана совершенно иная модель взаимоотношений между матерью и сыном. Робкий Тихон, осмелившийся на открытый протест только у трупа жены, у И. Сургучева превращается в более смелого Дмитрия, который не повинуетсЯ ни братьям, ни матери и даже угрожает ей расправой. Как видим, И. Сургучев следует традиции А. Островского, реалистично показывая быт купеческой семьи, но по-другому раскрывает ее представителей и атмосферу.

Отметим сходство архитектоники, присущей пьесам А. Островского и И. Сургучева. В пьесах обоих авторов имеет место «экспозиция, которая содержит ключ к пониманию дальнейших событий» [1, с. 39], но у И. Сургучева она еще и подсказывает зрителям возможную развязку: в беседе персонажей сквозят намеки на скорый финал любовных отношений Мити, которые не принесут ему счастья, приведут к смерти.

Следуя традициям А. Островского, И. Сургучев не показывает разрешение конфликта в финале пьесы, не снимает социальных противоречий. Митя, смирившись с обстоятельствами, все еще верит в возможность счастья с исчезнувшей любимой. Но в отличие от Катерины А. Островского, он даже не задумывается о самоубийстве. Стоит добавить, что и в «Грозе», и в «Торговом доме» конфликт созревает внутри самой среды.

Как утверждает С. Я. Гончарова-Грабовская, «сближает обе пьесы и пространственно-временной континуум: место локализовано и замкнуто» [1, с. 38]. Однако если у А. Островского это город Калинов (как основной топос), то у И. Сургучева пространство сужается до помещений дома Костяниных (топосом является дом).

А. Островский внимательно относился к языку своих персонажей, стараясь сделать его выразительным. Следует этому правилу и И. Сургучев, еще больше насыщая речь своих героев меткими выражениями, поговорками. Например, «ты не нукай, еще не запрягалъ» [3, с. 180], «не мылся, милый, бриться не будешь» [3, с. 180], «собакамъ сѣно косить» [3, с. 187], «ноль вниманія, фунтъ презрѣнія» [3, с. 189], «есть въ домѣ старичокъ – убилъ бы, нѣтъ старичка – купилъ бы» [3, с. 207]. Умело использует драматург и народные верования, религиозные убеждения, заговор, что наполняет пьесу живой атмосферой народного быта.

Важную роль в «Торговом доме» играет символ надвигающейся грозы, которая предвещает приближение кульминации. Герои упоминают ее как

раз перед разговором старухи Костяниной с Митей, который привел к скандалу и его трагическим последствиям. Сложно сказать, является ли это прямой отсылкой И. Сургучева к «Грозе» А. Островского. Тем не менее нельзя отрицать, что у обоих драматургов гроза становится символом угрозы, страха, приближающейся трагедии.

В пьесе И. Сургучева прослеживается лиризм [1, с. 39], который проявляется в эмоциональных воспоминаниях Елены Алексеевны («...ты послѣ перваго знакомства принесть мнѣ много-много сирени, – вотъ такой букетъ, большой-большой... И я зарывала въ него свое лицо, и дышала имъ, – и казалось мнѣ тогда, что я живу въ королевскомъ дворцѣ, на высокой горѣ, и освѣщаетъ меня солнцемъ, золотомъ горятъ мои разсыпавшіеся волосы, и смотрятъ на меня снизу тысячи глазъ...» [3, с. 214]), в ее волнении при виде Мити («...в моей душѣ живетъ любовь къ тебе, любовь неожиданная, поздняя, нѣжная, съ голубыми глазами...» [3, с. 214], «Какія прелестныя слезы! На глазахъ твоихъ онѣ кажутся голубыми» [3, с. 212]). В отличие от А. Островского, И. Сургучев особое внимание придает времени года, в котором происходят события пьесы, что помогает более точно отразить состояние персонажей. Зима у него говорит о наступившей «паузе» в жизни героев, тоске и одиночестве.

Из сказанного выше следует, что «подражание», в котором обвиняли И. Сургучева, сводится лишь к формальным деталям, но и они получили новую трактовку в художественной структуре пьесы. Реализм драматурга проявился на уровне правдивого отражения «типических героев в типических обстоятельствах» (К. Маркс), что прослеживается в тексте, системе персонажей, языке. Мастерство И. Сургучева-драматурга – в умении передать атмосферу быта купеческого дома, психологию героев, в органичном сочетании драматического и лирического. Это позволяет говорить об ориентации молодого драматурга на традиции русской классики, заложенные, в частности, в пьесах А. Островского.

Библиографические ссылки

1. Гончарова-Грабовская С. Я. Драматургия И. Сургучева (проблема традиции) // Русская литература: многовекторность подходов : сб. науч. ст. / редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская [и др.]. Минск, 2017. С. 36–45.
2. Марченко Т. Н., Николаев Д. Д. Сургучев // Литература русского зарубежья, 1920–1940 : сб. ст. : в 5 вып. / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. ; под общ. ред. О. Н. Михайлова. Москва, 1999. Вып. 2. С. 85–116.
3. Сургучев И. Д. Торговый дом // Сочинения. Москва, 1916. Т. 4. С. 177–232.